

PENGUIN BOOK OF RUSSIAN POETRY (2015)

Edited by Robert Chandler, Boris Dralyuk, and Irina Mashinski

Selection © 2015

*Russian Text**Part V*

[Some of the texts listed here are under copyright and, consequently, are not reproduced in the file. They should be easy to find in print sources or elsewhere online.]

Table of Contents:

4. THE TWENTIETH CENTURY (cont'd)**Анна Андреевна Ахматова (1889-1966) [COPYRIGHTED]**

<i>Два стихотворения. I («Подушка уже горяча») – “The pillow’s just as hot”</i>	250
<i>Песня последней встречи («Так беспомощно грудь холодела») – Song of a Last Encounter</i>	250
<i>«Мурка, не ходи, там сыч» – “Careful, puss, there’s an owl”</i>	251
<i>«Все мы бражники здесь, блудницы» – “We’re all boozers and floozies here”</i>	251
<i>«Думали: нищие мы, нету у нас ничего» – “We had thought we were beggars”</i>	252
<i>Молитва («Дай мне горькие годы недуга») – Prayer</i>	252
<i>Эпические мотивы (отрывок) – Epic Motifs (extract)</i>	253
<i>Муза («Когда я ночью жду её прихода») – The Muse</i>	253
<i>Памяти Сергея Есенина («Так просто можно жизнь покинуть эту») – In Memory of Sergey Yesenin</i>	254
<i>Эпиграмма («Здесь девушки прекраснейшие спорят») – Epigram (“Here the loveliest of young women fight”)</i>	254
<i>Воронеж («И город весь стоит оледенелый») – Voronezh</i>	255
<i>Подражание армянскому («Я приснюсь тебе черной овцою») – Imitation of the Armenian</i>	255
<i>Ответ («И вовсе я не пророчица») – Answer</i>	256
<i>Маяковский в 1913 году («Я тебя в твоей не знала славе») – Mayakovsky in the Year 1913</i>	256
<i>Реквием (отрывок) – Requiem (extract)</i>	257
<i>Музыка («В ней что-то чудотворное горит») – Music</i>	259
<i>Три стихотворения. III («Он прав — опять фонарь, аптека») – Three Poems (extract)</i>	259

Борис Леонидович Пастернак (1890-1960) [COPYRIGHTED]

<i>Февраль («Достать чернил и плакать!») – February</i>	264
---	-----

<i>Весна. I («Что почек, что клейких заплывших огарков») – Spring</i>	264
<i>Плачущий сад («Ужасный! — Капнет и вслушивается») – Weeping Garden</i>	265
<i>Гроза моментальная навек («А затем прощалось лето») – Storm, Instantaneous Forever</i>	266
<i>Памяти Марины Цветаевой («Хмуро тянется день непогожий.») (отрывок) – In Memory of Marina Tsvetaeva (extract)</i>	267
<i>Гамлет («Гул затих. Я вышел на подмостки.») – Hamlet</i>	268
<i>Рождественская звезда («Стояла зима.») – Christmas Star</i>	269

Осип Эмильевич Мандельштам (1891-1938)

<i>«Звук осторожный и глухой» – “Cautious, toneless sound”</i>	276
<i>«Из полутемной залы, вдруг» – “From the dimly lit hall”</i>	276
<i>«Только детские книги читать» – “To read only children’s tales”</i>	276
<i>«В холодных переливах лир» (отрывок) – “Newly reaped ears of early wheat”</i>	277
<i>Silentium – Silentium</i>	277
<i>«Нет, не луна, а светлый циферблат» – “No, not the moon – the bright face of a clock”</i>	278
<i>Адмиралтейство – The Admiralty</i>	278
<i>Домби и сын – Dombey and Son</i>	279
<i>«Как овцы, жалкою толпой» – Concerning the chorus in Euripides</i>	280
<i>«О, этот воздух, смутой пьяный» – “On the black square of the Kremlin</i>	281
<i>Соломинка – Solominka</i>	281
<i>«Золотистого меда струя из бутылки текла» – “The thread of golden honey flowed from the bottle”</i>	282
<i>«Сёстры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы» – “Heaviness, tenderness – sisters – your marks are the same”</i>	283
<i>«Возьми на радость из моих ладоней» – “Take from my palms some sun to bring you joy”</i>	284
<i>«Умывался ночью на дворе» – “I was washing at night out in the yard”</i>	285
<i>Нашедший подкову – The Horseshoe Finder</i>	285
<i>Армения – Armenia</i>	288
<i>«Помоги, господь, эту ночь прожить» – “Help me, O Lord, through this night”</i>	293
<i>«После полуночи сердце ворует» – “After midnight, clean out of your hands”</i>	293
<i>«Я должен жить, хотя я дважды умер» – “Gotta keep living, though I’ve died twice”</i>	293
<i>«Римских ночей полновесные слитки» – “Drawing the youthful Goethe to their breast”</i>	294
<i>«Мой щегол, я голову закину» – “Goldfinch, friend, I’ll cock my head”</i>	294
<i>«Внутри горы бездействует кумир» – “Deep in the mountain the idol rests”</i>	295
<i>«Ещё не умер ты, ещё ты не один» – “You’re not alone. You haven’t died”</i>	295
<i>«Куда мне деться в этом январе?» – “Where can I hide in this January?”</i>	296
<i>«Разрывы круглых бухт, и хряц, и синева» – “Breaks in round bays, and shingle, and blue”</i>	297
<i>«Вооружённый зреньем узких ос» – “Armed with wasp-vision, with the vision of wasps”</i>	297
<i>«Я скажу это начерно, шопотом» – “I’ll say this in a whisper, in draft”</i>	298

Анна Семёновна Присманова (Анна Симоновна Присман; 1892-1960)

Толчок — <i>The Jolt</i>	299
Кровь и кость — <i>Blood and Bone</i>	300

Марина Ивановна Цветаева (1892-1941)

«Никто ничего не отнял!» — <i>To Osip Mandelstam</i>	303
Бессонница. 8, («Чёрная, как зрачок, как зрачок, сосущая») — “ <i>Black as the pupil of an eye, sucking at light</i> ”	304
«Смерть — это нет» (отрывок) — <i>Death is a No (extract)</i>	304
Роландов рог — <i>Roland’s Horn</i>	305
Маяковскому — <i>To Mayakovsky</i>	306
Попытка ревности — <i>An Attempt at Jealousy</i>	306
Крысолов. 5. В ратуше (отрывок) — <i>The Ratcatcher (extract)</i>	308
Федра (отрывок) — <i>Phaedra (extract)</i>	310
Маяковскому. 5. («Выстрел — в самую душу») (отрывок) — <i>To Mayakovsky (extract)</i>	311
«Тоска по родине! Давно» — <i>Homesickness</i>	311

Владимир Владимирович Маяковский (1893-1930)

А вы могли бы? — <i>What About You?</i>	315
Флейта-позвоночник (отрывок) — <i>The Backbone Flute (extract)</i>	315
Облако в штанах (отрывок) — <i>A Cloud in Trousers (extract)</i>	316
Хорошее отношение к лошадям — <i>A Good Attitude to Horses</i>	320
Хорошее отношение к лошадям — <i>A Richt Respeck for Cuddies</i>	322
Сергею Есенину — <i>To Yesenin</i>	324
Стихи о разнице вкусов — <i>Anent the Deference o Tastes</i>	330

Георгий Владимирович Иванов (1894-1958)

«Хорошо, что нет Царя» — “ <i>It’s good that Russia has no Tsar</i> ”	333
«Звезды синеют. Деревья качаются» — “ <i>The stars glow blue. The trees are swaying</i> ”	334
«Все неизменно и все изменилось» — “ <i>Everything’s changed, nothing has changed</i> ”	334
«Россия тридцать лет живет в тюрьме» — “ <i>Thirty years now Russia’s lived in fetters</i> ”	335
«Ничего не вернуть. И зачем возвращать?» — “ <i>Nothing, nothing will be returned</i> ”	335
«Где прошлогодний снег, скажите мне?» — “ <i>Where can I look, where can I go</i> ”	335
«Лунатик в пустоту глядит» — “ <i>Led by what is shining</i> ”	336
«Что-то сбудется, что-то не сбудется» — “ <i>Some things succeed, and some things fail</i> ”	336
«Друг друга отражают зеркала» — “ <i>One mirror must mirror another</i> ”	337
«Не станет ни Европы, ни Америки» — “ <i>No more Europe, no more America</i> ”	337

«Я люблю безнадежный покой» – “I love a despairing peace”	337
«Еще я нахожусь очарованье» – “I still find charm in little accidental”	338
«Александр Сергеевич, я о вас скучаю» – To Alexander Pushkin	338
«Мне уж не придется впредь» – “No more brushing of teeth”	339
«За столько лет такого маянья» – “After plodding year after year”	339
«Дымные пятна соседних окон» – “The smoky blotches of the neighbours’ windows”	340
«Ликование вечной, блаженной весны» – “Spring exultation, nightingales, the moon”	340
«Поговори со мной еще немного» – “Say a few more words to me”	341

Сергей Александрович Есенин (1895-1925)

«Нивы сжаты, рожи голы» – “Mist climbs from the lake”	344
«Да! Теперь решено. Без возврата» – The Backstreets of Moscow	345
Папиросники – Cigarette Pedlars	346
Письмо матери – Letter to My Mother	346
Собаке Качалова – To Kachalov’s Dog	348
«Сочинитель бедный, это ты ли» – “Poor poet, was that really you”	349
«Ах, метель такая, просто чёрт возьми!» – “Oh, to hell with this storm, damn this snow and hail”	349
«До свиданья, друг мой, до свиданья» – “Farewell, dear friend, farewell”	349

Николай Макарович Олейников (1898-1937)

Таракан – The Beetle	353
----------------------	-----

Николай Алексеевич Заболоцкий (1903-1958) [COPYRIGHTED]

Лицо коня – The Face of a Horse	358
Свадьба – The Wedding	359
«Всё, что было в душе» – “Everything in the soul, it seemed, had been lost again”	362
Прощание с друзьями – Goodbye to Friends	362
Где - то в поле возле Магадана – Somewhere not far from Magadan	363
Последняя любовь 1. Чертополох («Принесли букет чертополоха») 4. Последняя любовь («Задрожала машина и стала») – Last Love (extract)	365

Александр Иванович Введенский (1904-41)

Разговор об отсутствии поэзии – Conversation about the Absence of Poetry	369
Где. Когда – Where. When	371

Даниил Иванович Хармс (Ювачёв; 1905-42)

Молитва перед сном – Prayer before Sleep 28 March 1931	377
Постоянство веселья и грязи – The Constancy of Merriment and Dirt	378

<i>Сказка – A Fairy Tale</i>	379
<i>Голубая тетрадь № 10 – Blue Notebook, No. 10</i>	379
<i>Вываливающиеся старухи – Old Women Falling Out</i>	380
<i>«Вот грянул дождь» – “Here’s the rain crashing down”</i>	380
<i>«Так начинается голод» – “This is how hunger begins”</i>	380
<i>«Из дома вышел человек» – “A man once walked out of his house”</i>	381

Осип Эмильевич Мандельштам (1891-1938)

Звук осторожный и глухой
Плода, сорвавшегося с древа,
Среди немолчного напева
Глубокой тишины лесной...

<1908>

Из полутемной залы, вдруг,
Ты выскользнула в легкой шали —
Мы никому не помешали,
Мы не будили спящих слуг...

<1908>

Только детские книги читать,
Только детские думы лелеять,
Все большое далеко развеять,
Из глубокой печали восстать.

Я от жизни смертельно устал,
Ничего от нее не приемлю,
Но люблю мою бедную землю
Оттого, что иной не видал.

Я качался в далеком саду
На простой деревянной качели,
И высокие темные ели
Вспоминаю в туманном бреду.

<1908>

В холодных переливах лир
Какая замирает осень!
Как сладостен и как несносен
Ее золотострунный клир!

Она поет в церковных хорах
И в монастырских вечерах
И, рассыпая в урны прах,
Печатает вино в амфорах.

Как успокоенный сосуд
С уже отстоенным раствором,
Духовное — доступно взорам,
И очертания живут.

Колосья, так недавно сжаты,
Рядами ровными лежат;
И, пальцы тонкие дрожат,
К таким же, как они, прижаты.

<1909>

Silentium

Она еще не родилась,
Она и музыка и слово,
И потому всего живого
Ненарушаемая связь.

Спокойно дышат моря груди,
Но, как безумный, светел день.
И пены бледная сирень
В черно-лазоровом сосуде.

Да обретут мои уста
Первоначальную немоту,
Как кристаллическую ноту,
Что от рождения чиста!

Останься пеной, Афродита,
И, слово, в музыку вернись,
И, сердце, сердца устыдись,
С первоосновой жизни слито!

<1910, 1935>

Нет, не луна, а светлый циферблат
Сияет мне, — и чем я виноват,
Что слабых звезд я осязаю млечность?

И Батюшкова мне противна спесь:
Который час, его спросили здесь,
А он ответил любопытным: вечность!

<1912>

Адмиралтейство

В столице северной томится пыльный тополь.
Запутался в листе прозрачный циферблат,
И в тёмной зелени фрегат или акрополь
Сияет издали, воде и небу брат.

Ладья воздушная и мачта недотрога,
Служа линейкою преемникам Петра,
Он учит: красота не прихоть полубога,
А хищный глазомер простого столяра.

Нам четырех стихий приязненно господство;
Но создал пятаю свободный человек.
Не отрицает ли пространства превосходство
Сей целомудренно-построенный ковчег.

Сердито лепятся капризные Медузы,
Как плуги брошены, ржавеют якоря,
И вот разорваны трех измерений узы
И открываются всемирные моря!

<1913>

Домби и сын

Когда, пронзительнее свиста,
Я слышу английский язык —
Я вижу Оливера Твиста
Над кипами конторских книг.

У Чарльза Диккенса спросите,
Что было в Лондоне тогда:
Контора Домби в старом Сити
И Темзы желтая вода...

Дожди и слезы. Белокурый
И нежный мальчик — Домби-сын;
Веселых клэрков каламбуры
Не понимает он один.

В конторе сломанные стулья,
На шиллинги и пенсы счет;
Как пчелы, вылетев из улья,
Роятся цифры круглый год.

А грязных адвокатов жало
Работает в табачной мгле —
И вот, как старая мочала,
Банкрот болтается в петле.

На стороне врагов законы:
Ему ничем нельзя помочь!
И клетчатые панталоны,
Рыдая, обнимает дочь...

<1913 (1914?)>

Как овцы, жалкою толпой
Бежали старцы Еврипида.
Иду змеиною тропой,
И в сердце темная обида.

Но этот час уж недалек:
Я отряхну мои печали,
Как мальчик вечером песок
Вытряхивает из сандалий.

<1914>

О, этот воздух, смутой пьяный,
На черной площади Кремля.
Качают шаткий «мир» смутьяны,
Тревожно пахнут тополя.

Соборов восковые лики,
Колоколов дремучий лес,
Как бы разбойник безъязыкий
В стропилах каменных исчез.

А в запечатанных соборах,
Где и прохладно и темно,
Как в нежных глиняных амфорах,
Играет русское вино.

Успенский, дивно округленный,
Весь удивленье райских дуг,
И Благовещенский, зеленый,
И, мнится, заворкует вдруг.

Архангельский и Воскресенья
Просвечивают, как ладонь, —
Повсюду скрытое горенье,
В кувшинах спрятанный огонь...

<Апрель 1916>

Соломинка

1.

Когда, соломинка, не спишь в огромной спальне
 И ждешь, бессонная, чтоб, важен и высок,
 Спокойной тяжестью — что может быть печальней —
 На веки чуткие спустился потолок,

Соломка звонкая, соломинка сухая,
 Всю смерть ты выпила и сделалась нежней,
 Сломалась милая соломка неживая,
 Не Саломея, нет, соломинка скорей!

В часы бессонницы предметы тяжелее,
 Как будто меньше их — такая тишина!
 Мерцают в зеркале подушки, чуть белея,
 И в круглом омуте кровать отражена.

Нет, не соломинка в торжественном атласе,
 В огромной комнате над черною Невой,
 Двенадцать месяцев поют о смертном часе,
 Струится в воздухе лед бледно-голубой.

Декабрь торжественный струит свое дыханье,
 Как будто в комнате тяжелая Нева.
 Нет, не соломинка — Лигейя, умиранье, —
 Я научился вам, блаженные слова.

2.

Я научился вам, блаженные слова:
 Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита.
 В огромной комнате тяжелая Нева,
 И голубая кровь струится из гранита.

Декабрь торжественный сияет над Невой.
 Двенадцать месяцев поют о смертном часе.
 Нет, не соломинка в торжественном атласе
 Вкушает медленный томительный покой.

В моей крови живет декабрьская Лигейя,
 Чья в саркофаге спит блаженная любовь.
 А та, соломинка — быть может, Саломея,
 Убита жалостью и не вернется вновь!

<Декабрь 1916>

Золотистого меда струя из бутылки текла
Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела:
— Здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла,
Мы совсем не скучаем, — и через плечо поглядела.

Всюду Бахуса службы, как будто на свете одни
Сторожа и собаки, — идешь, никого не заметишь.
Как тяжелые бочки, спокойные катятся дни.
Далеко в шалаше голоса — не поймешь, не ответишь.

После чаю мы вышли в огромный коричневый сад,
Как ресницы, на окнах опущены темные шторы.
Мимо белых колонн мы пошли посмотреть виноград,
Где воздушным стеклом обливаются сонные горы.

Я сказал: виноград, как старинная битва, живет,
Где курчавые всадники бьются в кудрявом порядке;
В каменистой Тавриде наука Эллады — и вот
Золотых десятин благородные, ржавые грядки.

Ну, а в комнате белой, как прялка, стоит тишина,
Пахнет уксусом, краской и свежим вином из подвала.
Помнишь, в греческом доме: любимая всеми жена, —
Не Елена — другая, — как долго она вышивала?

Золотое руно, где же ты, золотое руно?
Всю дорогу шумели морские тяжелые волны,
И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством и временем полный.

<1917>

Сёстры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы.
Медуницы и осы тяжелую розу сосут.
Человек умирает. Песок остывает согретый,
И вчерашнее солнце на чёрных носилках несут.

Ах, тяжёлые соты и нежные сети,
Легче камень поднять, чем имя твое повторить!
У меня остается одна забота на свете:
Золотая забота, как времени бремя избыть.

Словно тёмную воду, я пью помутившийся воздух.
Время вспахано плугом, и роза землю была.
В медленном водовороте тяжёлые нежные розы,
Розы тяжесть и нежность в двойные венки заплела!

<Март 1920>

Возьми на радость из моих ладоней
Немного солнца и немного мёда,
Как нам велели пчелы Персефоны.

Не отвязать неприкреплённой лодки,
Не услышать в меха обутой тени,
Не перевозмочь в дремучей жизни страха.

Нам остаются только поцелуи,
Мохнатые, как маленькие пчёлы,
Что умирают, вылетев из улья.

Они шуршат в прозрачных дебрях ночи,
Их родина — дремучий лес Тайгета,
Их пища — время, медуница, мята.

Возьми ж на радость дикий мой подарок —
Невзрачное сухое ожерелье
Из мёртвых пчёл, мёд превративших в солнце.

<Ноябрь 1920>

Умывался ночью на дворе.
Твердь сияла грубыми звездами.
Звёздный луч — как соль на топоре.
Стынет бочка с полными краями.

На замок закрыты ворота,
И земля по совести сурова.
Чище правды свежего холста
Вряд ли где отыщется основа.

Тает в бочке, словно соль, звезда,
И вода студеная чернее.
Чище смерть, солонее беда,
И земля правдивей и страшнее.

<1921>

*Нашедший подкову
(Пиндарический отрывок)*

Глядим на лес и говорим:
— Вот лес корабельный, мачтовый,
Розовые сосны,
До самой верхушки свободные от мохнатой ноши,
Им бы поскрипывать в бурю,
Одинокими пиниями,
В разъяренном безлесном воздухе.
Под соленую пятою ветра устоит отвес, пригнанный к пляшущей палубе,
И мореплаватель,
В необузданной жажде пространства,
Влача через влажные рытвины хрупкий прибор геометра,
Сличит с притяженьем земного лона
Шероховатую поверхность морей.

А вдыхая запах
Смолистых слёз, проступивших сквозь обшивку корабля,
Любуясь на доски,
Заклёпанные, слаженные в переборки
Не вифлеемским мирным плотником, а другим —
Отцом путешествий, другом морехода,—
Говорим:
...И они стояли на земле,
Неудобной, как хребет осла,
Забывая верхушками о корнях
На знаменитом горном кряже,
И шумели под пресным ливнем,
Безуспешно предлагая небу выменять на щепотку соли
Свой благородный груз.

С чего начать?
Всё трещит и качается.
Воздух дрожит от сравнений.
Ни одно слово не лучше другого,
Земля гудит метафорой,
И лёгкие двуколки
В броской упряжи густых от натуги птичьих стай
Разрываются на части,
Соперничая с храпящими любимцами ристалищ.

Трижды блажен, кто введёт в песнь имя;
Украшенная названьем песнь
Дольше живёт среди других —
Она отмечена среди подруг повязкой на лбу,
Исцеляющей от беспамятства, слишком сильного одуряющего запаха,
Будь то близость мужчины,
Или запах шерсти сильного зверя,

Или просто дух чобра, растертого между ладоней.

Воздух бывает тёмным, как вода, и всё живое в нем плавает, как рыба,
 Плавниками расталкивая сферу,
 Плотную, упругую, чуть нагретую,—
 Хрусталь, в котором движутся колеса и шарахаются лошади,
 Влажный чернозём Нееры, каждую ночь распаханый заново
 Вилами, трезубцами, мотыгами, плугами.
 Воздух замешен так же густо, как земля:
 Из него нельзя выйти, в него трудно войти.

Шорох пробегает по деревьям зелёной лаптой,
 Дети играют в бабки позвонками умерших животных.
 Хрупкое летоисчисление нашей эры подходит к концу.

Спасибо за то, что было:
 Я сам ошибся, я сбился, запутался в счёте.
 Эра звенела, как шар золотой,
 Полая, литая, никем не поддерживаемая,
 На всякое прикосновение отвечала «да» и «нет».
 Так ребенок отвечает;
 «Я дам тебе яблоко» — или: «Я не дам тебе яблоко».
 И лицо его — точный слепок с голоса, который произносит эти слова.

Звук ещё звенит, хотя причина звука исчезла.
 Конь лежит в пыли и храпит в мыле,
 Но крутой поворот его шеи
 Ещё сохраняет воспоминание о беге с разбросанными ногами —
 Когда их было не четыре,
 А по числу камней дороги,
 Обновляемых в четыре смены,
 По числу отталкиваний от земли пышущего жаром иноходца.
 Так
 Нашедший подкову
 Сдувает с неё пыль
 И растирает её шерстью, пока она не заблестит.
 Тогда
 Он вешает её на пороге,
 Чтобы она отдохнула,
 И больше уж ей не придется высекать искры из кремня.
 Человеческие губы, которым больше нечего сказать,
 Сохраняют форму последнего сказанного слова,
 И в руке остаётся ощущение тяжести,
 Хотя кувшин наполовину расплескался, пока его несли домой.

То, что я сейчас говорю, говорю не я,
 А вырыто из земли, подобно зёрнам окаменелой пшеницы.
 Одни
 на монетах изображают льва,

Другие —
голову.

Разнообразные медные, золотые и бронзовые лепёшки
С одинаковой почестью лежат в земле,
Век, пробуя их перегрызть, оттиснул на них свои зубы.
Время срезает меня, как монету,
И мне уж не хватает меня самого.

<1923>

Армения

Как бык шестикрылый и грозный,
Здесь людям является труд
И, кровью набухнув венозной,
Предзимние розы цветут...

1.

Ты розу Гафиза колышешь
И нянчишь зверушек-детей,
Плечьми осьмигранными дышишь
Мужицких бычачьих церквей.

Окрашена охрою хриплой,
Ты вся далеко за горой,
А здесь лишь картинка налипла
Из чайного блюдца с водой.

2.

Ты красок себе пожелала —
И выхватил лапой своей
Рисующий лев из пенала
С полдюжины карандашей.

Страна москательных пожаров
И мертвых гончарных равнин,
Ты рыжебородых сардаров
Терпела средь камней и глин.

Вдали якорей и трезубцев,
Где жухлый почил материк,
Ты видела всех жизнелюбцев,
Всех казнелюбивых владык.

И, крови моей не волнуя,
Как детский рисунок просты,
Здесь жены проходят, даруя
От львиной своей красоты.

Как люб мне язык твой зловещий,
Твои молодые гроба,
Где буквы — кузнечные клещи
И каждое слово — скоба...

3.

Ах, ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло,

Всех-то цветов мне осталось лишь сурик да хриплая охра.

И почему-то мне начало утро армянское сниться;
Думал — возьму посмотрю, как живет в Эривани синица,

Как нагибается булочник, с хлебом играющий в жмурки,
Из очага вынимает лавашные влажные шкурки...

Ах, Эривань, Эривань! Иль птица тебя рисовала,
Или раскрашивал лев, как дитя, из цветного пенала?

Ах, Эривань, Эривань! Не город — орешек каленый,
Улиц твоих большеротых кривые люблю вавилоны.

Я бестолковую жизнь, как мулла свой коран, замусолил,
Время свое заморозил и крови горячей не пролил.

Ах, Эривань, Эривань, ничего мне больше не надо.
Я не хочу твоего замороженного винограда!

4.

Закутав рот, как влажную розу,
Держа в руках осьмигранные соты,
Всё утро дней на окраине мира
Ты простояла, глотая слезы.

И отвернулась со стыдом и скорбью
От городов бородатых востока;
И вот лежишь на москательном ложе
И с тебя снимают посмертную маску.

5.

Руку платком обмотай и в венценосный шиповник,
В самую гущу его целлулоидных терний
Смело, до хруста, ее погрузи. Добудем розу без ножниц.
Но смотри, чтобы он не осыпался сразу —
Розовый мусор — муслин — лепесток соломоновый —
И для шербета негодный дичок, не дающий ни масла, ни запаха.

6.

Орущих камней государство —
Армения, Армения!
Хриплые горы к оружию зовущая —
Армения, Армения!

К трубам серебряным Азии вечно летящая —

Армения Армения!
 Солнца персидские деньги щедро раздаривающая —
 Армения, Армения!

7.

Не развалины — нет, — но порубка могучего циркульного леса,
 Якорные пни поваленных дубов звериного и басенного христианства,
 Рулоны каменного сукна на капителях, как товар из языческой разграбленной лавки,
 Виноградины с голубиное яйцо, завитки бараньих рогов
 И нахохленные орлы с совиными крыльями, еще не оскверненные Византией.

8.

Холодно розе в снегу:
 На Севане снег в три аршина...
 Вытащил горный рыбацк расписные лазурные сани,
 Сытых форелей усатые морды
 Несут полицейскую службу
 На известковом дне.

А в Эривани и в Эчмиадзине
 Весь воздух выпила огромная гора,
 Её бы приманить какой-то окариной
 Иль дудкой приручить, чтоб таял снег во рту.

Снега, снега, снега на рисовой бумаге,
 Гора плывет к губам.
 Мне холодно. Я рад...

9.

О порфирные цокая граниты,
 Спотыкается крестьянская лошадка,
 Забираясь на лысый цоколь
 Государственного звонкого камня.
 А за нею с узелками сыра,
 Еле дух переводя, бегут курдины,
 Примирившие дьявола и бога,
 Каждому воздавши половину...

10.

Какая роскошь в нищенском селенье —
 Волосяная музыка воды!
 Что это? пряжа? звук? предупрежденье?
 Чур-чур меня! Далеко ль до беды!
 И в лабиринте влажного распева
 Такая душная стрекочет мгла,

Как будто в гости водяная дева
К часовщику подземному пришла.

11.

Я тебя никогда не увижу,
Близорукое армянское небо,
И уже не взгляну прищурясь
На дорожный шатер Арарата,
И уже никогда не раскрою
В библиотеке авторов гончарных
Прекрасной земли пустотелую книгу,
По которой учились первые люди.

12.

Лазурь да глина, глина да лазурь,
Чего ж тебе ещё? Скорей глаза сощурь,
Как близорукий шах над перстнем бирюзовым,
Над книгой звонких глин, над книжною землёй,
Над гнойной книгою, над глиной дорогой,
Которой мучимся, как музыкой и словом.

<1930>

Помоги, господь, эту ночь прожить:
Я за жизнь боюсь – за твою рабу –
В Петербурге жить – словно спать в гробу!

<Январь 1931>

После полуночи сердце ворует
Прямо из рук запрещённую тишь.
Тихо живет — хорошо озорует,
Любишь — не любишь: ни с чем не сравнишь...

Любишь — не любишь, поймешь — не поймаешь.
Не потому ль, как подкидыш, молчишь,
Что пополуночи сердце пирует,
Взяв на прикус серебристую мышь?

<Март 1931>

Я должен жить, хотя я дважды умер,
А город от воды ополоумел:
Как он хорош, как весел, как скуласт,
Как на лемех приятен жирный пласт,
Как степь лежит в апрельском провороте,
А небо, небо – твой Буонаротти...

<Апрель 1935>

Римских ночей полновесные слитки,
Юношу Гёте манившее лоно, —
Пусть я в ответе, но не в убытке:
Есть многодонная жизнь вне закона.

<Июнь 1935>

Мой щегол, я голову закину —
Поглядим на мир вдвоем:
Зимний день, колючий, как мякина,
Так ли жестк в зрачке твоём?

Хвостик лодкой, перья черно-желты,
Ниже клюва в краску влит,
Сознаёшь ли — до чего щегол ты,
До чего ты щегловит?

Что за воздух у него в надлобье —
Чёрн и красен, жёлт и бел!
В обе стороны он в оба смотрит — в обе! —
Не посмотрит — улетел!

<9-27 декабря 1936>

Внутри горы бездействует кумир
В покоях бережных, безбрежных и счастливых,
А с шеи каплет ожерелий жир,
Оберегая сна приливы и отливы.

Когда он мальчик был и с ним играл павлин,
Его индийской радугой кормили,
Давали молока из розоватых глин
И не жалели кошенили.

Кость усыпленная завязана узлом,
Очеловечены колени, руки, плечи,
Он улыбается своим тишайшим ртом,
Он мыслит костю и чувствует челом
И вспомнить силится свой облик человеческий.

<10-26 декабря 1936>

Ещё не умер ты, ещё ты не один,
Покуда с нищенкой-подругой
Ты наслаждаешься величием равнин
И мглой, и холодом, и вьюгой.

В роскошной бедности, в могучей нищете
Живи спокоен и утешен.
Благословенны дни и ночи те,
И сладкогласный труд безгрешен.

Несчастлив тот, кого, как тень его,
Пугает лай и ветер косит,
И беден тот, кто сам полуживой
У тени милостыню просит.

<15-16 января 1937>

Куда мне деться в этом январе?
Открытый город сумасбродно цепок...
От замкнутых я, что ли, пьян дверей? —
И хочется мычать от всех замков и скрепок.

И переулков лающих чулки,
И улиц перекошенных чуланы —
И прячутся поспешно в уголки
И выбегают из углов угланы...

И в яму, в бородавчатую темь
Скольжу к обледенелой водокачке
И, спотыкаясь, мёртвый воздух ем,
И разлетаются грачи в горячке —

А я за ними ахаю, крича
В какой-то мёрзлый деревянный короб:
— Читателя! советчика! врача!
На лестнице колючей разговора б!

<1 февраля 1937>

Разрывы круглых бухт, и хрящ, и синева,
И парус медленный, что облаком продолжен,—
Я с вами разлучен, вас оценив едва:
Длинней органных фуг, горька морей трава —
Ложноволосая — и пахнет долгой ложью,
Железной нежностью хмелеет голова,
И ржавчина чуть-чуть отлогий берег гложет...
Что ж мне под голову другой песок подложен?
Ты, горловой Урал, плечистое Поволжье
Иль этот ровный край — вот все мои права,—
И полной грудью их вдыхать ещё я должен.

<4 февраля 1937>

Вооружённый зреньем узких ос,
Сосущих ось земную, ось земную,
Я чую всё, с чем свидеться пришлось,
И вспоминаю наизусть и всеу.

И не рисую я, и не пою,
И не вожу смычком черноголосым:
Я только в жизнь вливаюсь и люблю
Завидовать могучим, хитрым осам.

О, если б и меня когда-нибудь могло
Заставить — сон и смерть минуя —
Стрекало воздуха и летнее тепло
Услышать ось земную, ось земную...

<8 февраля 1937>

Я скажу это начерно, шопотом,
Потому что ещё не пора:
Достигается потом и опытом
Безотчётного неба игра.

И под временным небом чистилища
Забываем мы часто о том,
Что счастливое небохранилище —
Раздвижной и прижизненный дом.

<9 марта 1937>

Анна Семёновна Присманова (Анна Симоновна Присман; 1892-1960)*Толчок*

Толчок идет издалека:
уже в зерне — начало хлеба.
Уже подземная река
стремится к отраженью неба.

К нам с понедельника грядет
свет будущего воскресенья.
Издалека толчок идет
сердечного землетрясения.

Чужое для меня плечо
моею двигает рукою.
Издалека идет толчок,
чтоб силой обладать такою.

Кровь и кость

1.

В моей природе два начала,
и мать, баюкая меня,
во мне двух близнецов качала:
кость трезвости и кровь огня.

Но кровь и кость, два равных рвенья,
вступив с младенчества в борьбу,
отметили мою судьбу
печальным знаком раздвоенья.

2.

О музыка, тебя ли слышу
я над собою по утрам?
Ты крест в мою вставляешь крышу,
и дом — не дом уже, а храм!

Всесильная, одна ты можешь
и кровь, и кость в себя вобрать.
Ты мне едва ли жить поможешь,
зато поможешь умирать.

Марина Ивановна Цветаева (1892-1941)

Никто ничего не отнял!
Мне сладостно, что мы врозь.
Целую Вас — через сотни
Разъединяющих вёрст.

Я знаю, наш дар — неравен,
Мой голос впервые — тих.
Что Вам, молодой Державин,
Мой невоспитанный стих!

На страшный полёт крещу Вас:
Лети, молодой орёл!
Ты солнце стерпел, не щурясь,
Юный ли взгляд мой тяжёл?

Нежней и бесповоротней
Никто не глядел Вам вслед...
Целую Вас — через сотни
Разъединяющих лет.

<12 февраля 1916>

Бессонница (отрывок)

8.

Чёрная, как зрачок, как зрачок, сосущая
Свет — люблю тебя, зоркая ночь.

Голосу дай мне воспеть тебя, о праматерь
Песен, в чьей длани узда четырёх ветров.

Клича тебя, славословя тебя, я только
Раковина, где ещё не умолк океан.

Ночь! Я уже нагляделась в зрачки человека!
Испепели меня, чёрное солнце — ночь!

<9 августа 1916>

Смерть — это нет,
Смерть — это нет,
Смерть — это нет.
Нет — матерям,
Нет — пекарям.
(Выпек — не съешь!)

Смерть — это так:
Недостроенный дом,
Недовзращенный сын,
Недовязанный сноп,
Недодышанный вздох,
Недокрикнутый крик.

Я — это да,
Да — навсегда,
Да — вопреки,
Да — через всё!
Даже тебе
Да кричу, Нет!

Стало быть — нет,
Стало быть — вздор,
Календарная ложь!

<Июль 1920>

Роландов рог

Как нежный шут о злом своём уродстве,
Я повествую о своём сиротстве:

За князем — род, за серафимом — сонм,
За каждым — тысячи таких, как он,

Чтоб, пошатнувшись, — на живую стену
Упал и знал, что — тысячи на смену!

Солдат — полком, бес — легионом горд.
За вором — сброд, а за шутком — всё горб.

Тáк, наконец, усталая держаться
Сознанием: перст и назначением: драться,

Под свист глупца и мещанина смех —
Одна из всех — за всех — противу всех! —

Стою и шлю, закаменев от взлёту,
Сей громкий зов в небесные пустоты.

И сей пожар в груди тому залог,
Что некий Карл тебя услышит, рог!

<Март 1921>

Маяковскому

Превыше крестов и труб,
Крещённый в огне и дыме,
Архангел-тяжелоступ —
Здорово, в веках Владимир!

Он возчик, и он же конь,
Он прихоть, и он же право.
Вздыхнул, поплевал в ладонь:
— Держись, ломовая слава!

Певец площадных чудес —
Здорово, гордец чумазий,
Что камнем — тяжеловес
Избрал, не прельстясь алмазом.

Здорово, булыжный гром!
Зевнул, козырнул — и снова
Оглоблей гребёт — крылом
Архангела ломового.

<18 сентября 1921>

Попытка ревности

Как живётся вам с другою, —
 Проще ведь? — Удар весла! —
 Линией береговою
 Скоро ль память отошла

Обо мне, плывучем острове
 (По́ небу — не по водам!)
 Души, души! быть вам сёстрами,
 Не любовницами — вам!

Как живётся вам с простою
 Женщиною? Без божеств?
 Государыню с престола
 Свергши (с одного сошед),

Как живётся вам — хлопчется —
 Ёжится? Встаётся — как?
 С пошлиной бессмертной пошлости
 Как справляетесь, бедняк?

«Судорог да перебоев —
 Хватит! Дом себе найму».
 Как живётся вам с любою —
 Избранному моему!

Свойственнее и съедобнее —
 Снедь? Приестся — не пеняй...
 Как живётся вам с подобием —
 Вам, поправшему Синай!

Как живётся вам с чужою,
 Здешнею? Ребром — любя?
 Стыд Зевесовой вожжою
 Не охлёстывает лба?

Как живётся вам — здоровится —
 Можется? Поётся — как?
 С язвою бессмертной совести
 Как справляетесь, бедняк?

Как живётся вам с товаром
 Рыночным? Оброк — крутой?
 После мраморов Каррары
 Как живётся вам с трухой

Гипсовой? (Из глыбы высечен
 Бог — и начисто разбит!)

Как живётся вам с сто-тысячной —
Вам, познавшему Лилит!

Рыночною новизною
Сыты ли? К волшбам остыв,
Как живётся вам с земною
Женщиною, бёз шестых

Чувств?

Ну, за голову: счастливы?
Нет? В провале без глубин —
Как живётся, милый? Тяжче ли,
Так же ли, как мне с другим?

<19 ноября 1924>

Крысолов (отрывок)

5. *В ратуше* (отрывок)

— Стоп!

Не в хороводе, небось, дуда, —
В думе! Шажком! Анданте!
Только про беса и про жида,
Где же про музыканта

Сказано?
Как завершён обряд —
Милости просим, брате!
Всяк музыканту на свадьбе рад, —
Только не в роли зятя.

За музыканта! за нотный крюк!
Звук! — флейтяную дырку!
Где ж это видано, чтобы вдруг
Да с музыкантом — в кирку?

За музыканта! За нервный ком —
Дочку! милей ковач мне!
Что же и делать-то ей с тюком
Нотным — на ложе брачном!

За музыканта! за голый боб!
Может — в краях незнамых —
Только не слыхивал Гаммельн, чтоб
За музыкантов — замуж!

— Чтó есть музыка? Щебет птах!
Шутка! Ребёнок сладит!
— Чтó есть музыка? — Шум в ушах.
— Увеселенье свадеб.

— Беспоследственный дребезг струн.
— Скука и крики bravo.
— Чтó есть музыка? Не каплун,
А к каплуну — приправа.

— За — бывается: молод был —
Сам загибал преловко!
— Мешанина из бычьих жил,
Дерева и сноровки.

— Околпачивающий пар.
— Нет! Музыкантов кормим

Для того, чтобы пищи вар
В нас протекал проворней.

— Полегонечку — за пивцом —
Да чтобы женский пол был...
Две-три арийки перед сном...
Только не очень долго.

<1925>

Федра (отрывок)

Картина третья (отрывок)

Признание

Логово Ипполита. Ипполит и слуга.

Слуга

Мало — оком, мало — локтем,
Каждой жилкой, бьющей через,
Целым (целясь) телом целясь,
Мужеравная, нет, бого-
Равная, с колчаном, рога
Изобилья неизбывней,
Осиянная под ливнем
Вражеским стоит, нет нужды!
Тетиву в еще-упруже
Тетивы: грудь скудомясу
Отводя и так слиаясь
С луком, так его о перси,
Что не с тетивы — из сердца
Мнятся! Стрел гибелострастных
Ряд столь быстрый, ряд столь частый,
Что — сраженье или пряжа? —
Чудится: стрела все та же
С тетивы. Бок о бок с лютой
Лев? нет — бог в лихом бою том
Будь — и бог помнился б робок!
Так с отцом твоим бок о бок
— Стрелам — перси, негам — спину —
Билась.

<1927>

Маяковскому (отрывок)

5.

Выстрел — в самую душу,
Как только что по врагам.
Богоборцем разрушен
Сегодня последний храм.

Ещё раз не осёкся,
И, в точку попав — усоп.
Было стало быть сердце,
Коль выстрелу следом — стоп.

(Зарубежье, встречаясь:
«Ну, казус! Каков фугас!
Значит — тоже сердца есть?
И с той же, что и у нас?»)»

Выстрел — в самую точку,
Как в ярмарочную цель.
(Часто — левую мочку
Отбривши — с женой в постель.)

Молодец! Не прошибся!
А женщины ради — что ж!
И Елену паршивкой
— Подумавши — назовёшь.

Лишь одним, зато знатно,
Нас лефовец удивил:
Только вправо и знавший
Палить-то, а тут — слевил.

Кабы в правую — свёрк бы
Ланцетик — и здрав ваш шеф.
Выстрел в левую створку:
Ну в самый-те Центропев!

<1930>

Тоска по родине! Давно
Разоблачённая морока!
Мне совершенно всё равно —
Где совершенно одинокой

Быть, по каким камням домой
Брести с кошёлкою базарной
В дом, и не знающий, что — мой,
Как госпиталь или казарма.

Мне всё равно, каких среди
Лиц ощетиниваться пленным
Львом, из какой людской среды
Быть вытесненной — непременно —

В себя, в единоличье чувств.
Камчатским медведём без льдины
Где не ужиться (и не тщусь!),
Где унижаться — мне едино.

Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечным.
Мне безразлично — на каком
Непонимаемой быть встречным!

(Читателем, газетных тонн
Глотателем, доильцем сплетен...)
Двадцатого столетия — он,
А я — до всякого столетия!

Остолбеневши, как бревно,
Оставшееся от аллеи,
Мне всё — равны, мне всё — равно,
И, может быть, всего равнее —

Роднее бывшее — всего.
Все признаки с меня, все меты,
Все даты — как рукой сняло:
Душа, родившаяся — где-то.

Так край меня не уберёт
Мой, что и самый зоркий сыщик
Вдоль всей души, всей — поперёк!
Родимого пятна не сыщет!

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И всё — равно, и всё — едино.
Но если по дороге — куст
Встаёт, особенно — рябина...

<3 мая 1934>

Владимир Владимирович Маяковский (1893-1930)

А вы могли бы?

Я сразу смазал карту будня,
плеснувши краску из стакана;
я показал на блюде студня
косые скулы океана.

На чешуе жестяной рыбы
прочёл я зовы новых губ.

А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб?

<1913>

*Флейта-позвоночник (отрывок)**Пролог*

За всех вас,
которые нравились или нравятся,
хранимых иконами у души в пещере,
как чашу вина в застольной здравице,
подъемлю стихами наполненный череп.

Все чаще думаю —
не поставить ли лучше
точку пули в своем конце.
Сегодня я
на всякий случай
даю прощальный концерт.

Память!
Собери у мозга в зале
любимых неисчерпаемые очереди.
Смех из глаз в глаза лей.
Былыми свадьбами ночь ряди.
Из тела в тело веселье лейте.
Пусть не забудется ночь никем.
Я сегодня буду играть на флейте.
На собственном позвоночнике.

<1914-1915>

Облако в штанах (отрывок)

4. (отрывок)

[...]

Мария!

Звереют улиц выгоны.
На шее ссадиной пальцы давки.

Открой!

Больно!

Видишь — натыканы
в глаза из дамских шляп булавки!

Пустила.

Детка!
Не бойся,
что у меня на шее воловьем
потноживотые женщины мокрой горою сидят, —
это сквозь жизнь я тащу
миллионы огромных чистых любовей
и миллион миллионов маленьких грязных любят,
Не бойся,
что снова,
в измены ненастье,
прильну я к тысячам хорошеньких лиц, —
«любящие Маяковского!» —
да ведь это ж династия
на сердце сумасшедшего восшедших царяц.

Мария, ближе!

В раздетом бесстыдстве,
в боящейся дрожи ли,
но дай твоих губ неисцветшую прелесть:
я с сердцем ни разу до мая не дожили,
а в прожитой жизни
лишь сотый апрель есть.

Мария!

Поэт сонеты поет Тиане,
а я —
весь из мяса,
человек весь —

тело твое просто прошу,
как просят христиане —
«хлеб наш насущный
даждь нам днесь».

Мария — дай!

Мария!
Имя твое я боюсь забыть,
как поэт боится забыть
какое-то
в муках ночей рожденное слово,
величием равное богу.

Тело твое
я буду беречь и любить,
как солдат,
обрубленный войною,
ненужный,
ничей,
бережет свою единственную ногу.

Мария —
не хочешь?
Не хочешь!

Ха!

Значит — опять
темно и понуро
сердце возьму,
слезами окапав,
нести,
как собака,
которая в конуру
несет
перееханную поездом лапу.

Кровью сердца дорогу радую,
липнет цветами у пыли кителя.
Тысячу раз опляшет Иродиадой
солнце землю —
голову Крестителя.

И когда мое количество лет
выпляшет до конца —
миллионом кровинок устелется след
к дому моего отца.

Вылезу
 грязный (от ночевок в канавах),
 стану бок о бок,
 наклонюсь
 и скажу ему на ухо:

— Послушайте, господин бог!
 Как вам не скушно
 в облачный кисель
 ежедневно обмакивать раздобрившие глаза?
 Давайте — знаете —
 устроимте карусель
 на дереве изучения добра и зла!

Вездесущий, ты будешь в каждом шкапу,
 и вина такие расставим по столу,
 чтоб захотелось пройтись в ки-ка-пу
 хмурому Петру Апостолу.
 А в рае опять поселим Евочек:
 прикажи, —
 сегодня ночью ж
 со всех бульваров красивейших девочек
 я натащу тебе.

Хочешь?

Не хочешь?

Мотаешь головою, кудластый?
 Супишь седую бровь?
 Ты думаешь —
 этот,
 за тобою, крыластый,
 знает, что такое любовь?

Я тоже ангел, я был им —
 сахарным барашком выглядывал в глаз,
 но больше не хочу дарить кобылам
 из севрской муки изваянных ваз.
 Всемогущий, ты выдумал пару рук,
 сделал,
 что у каждого есть голова, —
 отчего ты не выдумал,
 чтоб было без мук
 целовать, целовать, целовать?!

Я думал — ты всесильный божище,
 а ты недоучка, крохотный божик.
 Видишь, я нагибаюсь,

из-за голенища
достаю сапожный ножик.
Крыластые прохвосты!
Жмитесь в раю!
Ерошьте перышки в испуганной тряске!
Я тебя, пропахшего ладаном, раскрою
отсюда до Аляски!

Пустите!

Меня не остановите.
Вру я,
в праве ли,
но я не могу быть спокойней.
Смотрите —
звезды опять обезглавили
и небо окровавили бойней!

Эй, вы!
Небо!
Снимите шляпу!
Я иду!

Глухо.

Вселенная спит,
положив на лапу
с клещами звезд огромное ухо.

<1914-1915>

Хорошее отношение к лошадям

Били копыта.
 Пели будто:
 — Гриб.
 Грабь.
 Гроб.
 Груб. —

Ветром опита,
 льдом обута,
 улица скользила.
 Лошадь на круп
 грохнулась,
 и сразу
 за зевакой зевака,
 штаны пришедшие Кузнецким клёшить,
 сгрудились,
 смех зазвенел и зазвякал:
 — Лошадь упала! —
 — Упала лошадь! —
 Смеялся Кузнецкий.
 Лишь один я
 голос свой не вмешивал в вой ему.
 Подошел
 и вижу
 глаза лошадиные...

Улица опрокинулась,
 течет по-своему...
 Подошел и вижу —
 за каплицей каплица
 по морде катится,
 прячется в шерсти...

И какая-то общая
 звериная тоска
 плеща вылилась из меня
 и расплылась в шелесте.
 «Лошадь, не надо.
 Лошадь, слушайте —
 чего вы думаете, что вы их плоше?
 Деточка,
 все мы немножко лошади,
 каждый из нас по-своему лошадь».
 Может быть
 — старая —
 и не нуждалась в няньке,
 может быть, и мысль ей моя казалась пошла́,

только
лошадь
рванулась,
встала на́ ноги,
ржанула
и пошла.
Хвостом помахивала.
Рыжий ребенок.
Пришла веселая,
стала в стойло.
И все ей казалось —
она жеребенок,
и стоило жить,
и работать стоило.

<1918>

Сергею Есенину

Вы ушли,
     как говорится,
         в мир в иной.
 Пустота...
     Летите,
         в звезды врезываясь.
 Ни тебе аванса,
     ни пивной.
 Трезвость.
 Нет, Есенин,
     это
         не насмешка.
 В горле
     горе комом —
         не смешок.
 Вижу —
     врезанной рукой помешкав,
 собственных
     костей
         качаете мешок.
 — Прекратите!
     Бросьте!
         Вы в своем уме ли?
 Дать,
     чтоб щеки
         заливал
             смертельный мел?!
 Вы ж
     такое
         загибать умели,
 что другой
     на свете
         не умел.
 Почему?
     Зачем?
         Недоуменье смяло.
 Критики бормочут:
     — Этому вина
 то...
     да сё...
         а главное,
             что смычки мало,
 в результате
     много пива и вина. —
 Дескать,
     заменить бы вам
         богему

классом,
 класс влиял на вас,
 и было б не до драк.
 Ну, а класс-то
 жажду
 заливает квасом?
 Класс — он тоже
 выпить не дурак.
 Дескать,
 к вам приставить бы
 кого из напостов —
 стали б
 содержанием
 премного одарённой.
 Вы бы
 в день
 писали
 строк по сто,
 утомительно
 и длинно,
 как Доронин.
 А по-моему,
 осуществись
 такая бредь,
 на себя бы
 раньше наложили руки.
 Лучше уж
 от водки умереть,
 чем от скуки!
 Не откроют
 нам
 причин потери
 ни петля,
 ни ножик перочинный.
 Может,
 окажись
 чернила в «Англетере»,
 вены
 резать
 не было б причины.
 Подражатели обрадовались:
 бис!
 Над собою
 чуть не взвод
 расправу учинил.
 Почему же
 увеличивать
 число самоубийств?
 Лучше

увеличь
                   изготовление чернил!
 Навсегда
                   теперь
                   язык
                           в зубах затворится.
 Тяжело
                   и неуместно
                           разводить мистерии.
 У народа,
                   у языкотворца,
 умер
                   звонкий
                           забулдыга подмастерье.
 И несут
                   стихов заупокойный лом,
 с прошлых
                   с похорон
                           не переделавши почти.
 В холм
                   тупые рифмы
                           загонять колом —
 разве так
                   поэта
                           надо бы почтить?
 Вам
                   и памятник еще не слит, —
 где он,
                   бронзы звон
                           или гранита грань? —
 а к решеткам памяти
                   уже
                           понанесли
 посвящений
                   и воспоминаний дрянь.
 Ваше имя
                   в платочки рассоплено,
 ваше слово
                   слюнявит Собинов
 и выводит
                   под березкой дохлой —
 «Ни слова,
                   о дру-уг мой,
                           ни вздо-о-о-о-ха.»
 Эх,
                   поговорить бы и́наче
 с этим самым
                   с Леонидом Лоэнгринычем!
 Встать бы здесь

гремящим скандалистом:
 — Не позволю
     мямлить стих
         и мять! —
 Оглушить бы
     их
         трехпалым свистом
 в бабушку
     и в бога душу мать!
 Чтобы разнеслась
     бездарнейшая погань,
 раздувая
     темь
         пиджачных парусов,
 чтобы
     врассыпную
         разбежался Коган,
 встреченных
     увеча
         пиками усов.

Дрянь
     пока что
         мало поредела.

Дела много —
     только поспевать.

Надо
     жизнь
         сначала переделать,
 переделав —
     можно воспевать.

Это время —
     трудновато для пера,
 но скажите
     вы,
         калеки и калекши,
 где,
     когда,
         какой великий выбирал
 путь,
     чтобы протоптанней
         и легче?

Слово —
     полководец
         человечьей силы.

Марш!
     Чтоб время
         сзади
             ядрами рвалось.

К старым дням

чтоб ветром
относило
только
путаницу волос.
Для веселия
планета наша
мало оборудована.
Надо
вырвать
радость
у грядущих дней.
В этой жизни
помереть
не трудно.
Сделать жизнь
значительно трудней.

<1926>

Стихи о разнице вкусов

Лошадь
    сказала,
        взглянув на верблюда:
«Какая
    гигантская
        лошадь-ублюдок».
Верблюд же
    вскричал:
        «Да лошадь разве ты?!
Ты
    просто-напросто —
        верблюд недоразвитый».
И знал лишь
    бог седобородый,
что это —
    животные
        разной породы.

<1928>

Георгий Владимирович Иванов (1894-1958)

Хорошо, что нет Царя.
Хорошо, что нет России.
Хорошо, что Бога нет.

Только желтая заря,
Только звезды ледяные,
Только миллионы лет.

Хорошо — что никого,
Хорошо — что ничего,
Так черно и так мертво,

Что мертвее быть не может
И чернее не бывать,
Что никто нам не поможет
И не надо помогать.

<1930>

Звезды синеют. Деревья качаются.
Вечер как вечер. Зима как зима.
Все прощено. Ничего не прощается.
Музыка. Тьма.

Все мы герои и все мы изменники,
Всем, одинаково, верим словам.
Что ж, дорогие мои современники,
Весело вам?

<1934>

Все неизменно и все изменилось
В утреннем холоде странной свободы.
Долгие годы мне многое снилось,
Вот я проснулся — и где эти годы!

Вот я иду по осеннему полю,
Все как всегда, и другое, чем прежде:
Точно меня отпустили на волю
И отказали в последней надежде.

<1944-5>

Россия тридцать лет живет в тюрьме,
На Соловках или на Колыме.

И лишь на Колыме и Соловках
Россия та, что будет жить в веках.

Все остальное — планетарный ад,
Проклятый Кремль, зловещный Сталинград —

Заслуживает только одного,
Огня, испепеляющего его.

<1947>

Ничего не вернуть. И зачем возвращать?
Разучились любить, разучились прощать,
Забывать никогда не научимся...

Спит спокойно и сладко чужая страна.
Море ровно шумит. Наступает весна
В этом мире, в котором мы мучимся.

<1949>

Где прошлогодний снег, скажите мне?
Нетаявший, почти альпийский снег,
Невинной жертвой отданный весне,
Апрелем обращенный в плеск и бег,
В дыханье одуванчиков и роз,
Взволнованного мира светлый вал,
В поэзию... В бессмысленный вопрос,
Что ей Виллон когда-то задавал.

<1951>

Лунатик в пустоту глядит,
Сиянье им руководит,
Чернеет гибель снизу.
И далее угадать нельзя,
Куда он движется, скользя,
По лунному карнизу.

Расстреливают палачи
Невинных в мировой ночи
Не обращай вниманья!
Гляди в холодное ничто,
В сияньи постигая то,
Что выше пониманья.

<1948>

Что-то сбудется, что-то не сбудется.
Перемелется все, позабудется...

Но останется эта вот, рыжая,
У заборной калитки трава.

...Если плещется где-то Нева,
Если к ней долетают слова —
Это вам говорю из Парижа я
То, что сам понимаю едва.

<1950>

Друг друга отражают зеркала,
Взаимно искажая отраженья.

Я верю не в непобедимость зла,
А только в неизбежность пораженья.

Не в музыку, что жизнь мою сожгла,
А в пепел, что остался от сожженья.

<1950>

Не станет ни Европы, ни Америки,
Ни Царскосельских парков, ни Москвы
Припадок атомической истерики
Все распылит в сияньи синевы.

Потом над морем ласково протянется
Прозрачный, всепрощающий дымок...
И Тот, кто мог помочь и не помог,
В предвечном одиночестве останется.

<1953>

Я люблю безнадежный покой,
В октябре — хризантемы в цвету,
Огоньки за туманной рекой,
Догоревшей зари нищету...

Тишину безымянных могил,
Все банальности «Песен без слов»,
То, что Анненский жадно любил,
То, чего не терпел Гумилев.

<1954>

Еще я нахожу очарованье
В случайных мелочах и пустяках —
В романе без конца и без названья,
Вот в этой розе, вянущей в руках.

Мне нравится, что на ее муаре
Колышется дождинок серебро,
Что я нашел ее на тротуаре
И выброшу в помойное ведро.

<1956>

Александр Сергеич, я о вас скучаю.
С вами посидеть бы, с вами б выпить чаю.
Вы бы говорили, я б, развесив уши,
Слушал бы да слушал.

Вы мне все роднее, вы мне все дороже.
Александр Сергеич, вам пришлось ведь тоже
Захлебнуться горем, злиться, презирать,
Вам пришлось ведь тоже трудно умирать.

<1958>

Мне уж не придется впредь
Чистить зубы, щеки брить.
«Перед тем, как умереть,
Надо же поговорить».

В вечность распахнулась дверь,
И «пора, мой друг, пора!»...
Просветлиться бы теперь,
Жизни прокричать ура!

Стариковски помудреть,
С миром душу примирить...
...Перед тем, как умереть,
Не о чем мне говорить.

<1958>

За столько лет такого маянья
По городам чужой земли
Есть от чего прийти в отчаянье,
И мы в отчаянье пришли.

— В отчаянье, в приют последний,
Как будто мы пришли зимой
С вечерни в церковке соседней,
По снегу русскому, домой.

<1958>

Дымные пятна соседних окон,
Розы под ветром вздыхают и гнутся.
Если б поверить, что жизнь это сон,
Что после смерти нельзя не проснуться.

Будет в раю — рай совсем голубой —
Ждать так прохладно, блаженно-беспечно.
И никогда не расстаться с тобой!
Вечно с тобой. Понимаешь ли? Вечно...

<1958>

Ликование вечной, блаженной весны,
Упоительные соловьиные трели
И магический блеск средиземной луны
Головокружительно мне надоели.

Даже больше того. И совсем я не здесь,
Не на юге, а в северной, царской столице.
Там остался я жить. Настоящий. Я — весь.
Эмигрантская быль мне всего только снится —
И Берлин, и Париж, и постылая Ницца.

...Зимний день. Петербург. С Гумилевым вдвоем,
Вдоль замерзшей Невы, как по берегу Леты,
Мы спокойно, классически просто идем,
Как попарно когда-то ходили поэты.

<1958>

Поговори со мной еще немного,
Не засыпай до утренней зари.
Уже кончается моя дорога,
О, говори со мною, говори!

Пусть прелестных звуков столкновенье,
Картавый, легкий голос твой
Преобразят стихотворенье
Последнее, написанное мной.

<1958>

Сергей Александрович Есенин (1895-1925)

Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.

Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось,
Что совсем, совсем немного
Ждать зимы седой осталось.

Ах, и сам я в чаще звонкой
Увидал вчера в тумане:
Рыжий месяц жеребёнком
Запрягался в наши сани.

<1917>

Да! Теперь решено. Без возврата
Я покинул родные поля.
Уж не будут листвою крылатой
Надо мною звенеть тополя.

Низкий дом без меня ссутулится,
Старый пес мой давно издох.
На московских изогнутых улицах
Умереть, знать, судил мне Бог.

Я люблю этот город вязевый,
Пусть обрюзг он и пусть одрях.
Золотая дремотная Азия
Опочила на куполах.

А когда ночью светит месяц,
Когда светит... черт знает как!
Я иду, головою свесясь,
Переулком в знакомый кабак.

Шум и гам в этом логове жутком,
Но всю ночь, напролет, до зари,
Я читаю стихи проституткам
И с бандитами жарю спирт.

Сердце бьется все чаще и чаще,
И уж я говорю невпопад:
— Я такой же, как вы, пропащий,
Мне теперь не уйти назад.

Низкий дом без меня ссутулится,
Старый пес мой давно издох.
На московских изогнутых улицах
Умереть, знать, судил мне Бог.

<1922>

Папиросники

Улицы печальные,
Сугробы да мороз.
Сорванцы отчаянные
С лотками папирос.
Грязных улиц странники
В забаве злой игры,
Все они — карманники,
Веселые воры.
Тех площадь — на Никитской,
А этих — на Тверской.
Стоят с тоскливым свистом
Они там день-деньской.
Снуют по всем притонам
И, улучив досуг,
Читают Пинкертон
За кружкой пива вслух.
Пуускай от пива горько,
Они без пива — вдрызг.
Все бредят Нью-Йорком,
Всех тянет в Сан-Франциск.
Потом опять печально
Выходят на мороз
Сорванцы отчаянные
С лотками папирос.

<1923>

Письмо матери

Ты жива еще, моя старушка?
 Жив и я. Привет тебе, привет!
 Пусть струится над твоей избушкой
 Тот вечерний несказанный свет.

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
 Загрустила шибко обо мне,
 Что ты часто ходишь на дорогу
 В старомодном ветхом шушуне.

И тебе в вечернем синем мраке
 Часто видится одно и то ж:
 Будто кто-то мне в кабацкой драке
 Саданул под сердце финский нож.

Ничего, родная! Успокойся.
 Это только тягостная бредь.
 Не такой уж горький я пропойца,
 Чтоб, тебя не видя, умереть.

Я по-прежнему такой же нежный
 И мечтаю только лишь о том,
 Чтоб скорее от тоски мятежной
 Воротиться в низенький наш дом.

Я вернусь, когда раскинет ветви
 По-весеннему наш белый сад.
 Только ты меня уж на рассвете
 Не буди, как восемь лет назад.

Не буди того, что отмечталось,
 Не волнуй того, что не сбылось,—
 Слишком раннюю утрату и усталость
 Испытать мне в жизни привелось.

И молиться не учи меня. Не надо!
 К старому возврата больше нет.
 Ты одна мне помощь и отрада,
 Ты одна мне несказанный свет.

Так забудь же про свою тревогу,
 Не грусти так шибко обо мне.
 Не ходи так часто на дорогу
 В старомодном ветхом шушуне.

Собаке Качалова

Дай, Джим, на счастье лапу мне,
Такую лапу не видал я сроду.
Давай с тобой полаем при луне
На тихую, бесшумную погоду.
Дай, Джим, на счастье лапу мне.

Пожалуйста, голубчик, не лижись.
Пойми со мной хоть самое простое.
Ведь ты не знаешь, что такое жизнь,
Не знаешь ты, что жить на свете стоит.

Хозяин твой и мил и знаменит,
И у него гостей бывает в доме много,
И каждый, улыбаясь, норовит
Тебя по шерсти бархатной потрогать.

Ты по-собачьи дьявольски красив,
С такою милою доверчивой приятцей.
И, никого ни капли не спросив,
Как пьяный друг, ты лезешь целоваться.

Мой милый Джим, среди твоих гостей
Так много всяких и невсяких было.
Но та, что всех безмолвней и грустней,
Сюда случайно вдруг не заходила?

Она придет, даю тебе поруку.
И без меня, в ее уставясь взгляд,
Ты за меня лизни ей нежно руку
За все, в чем был и не был виноват.

<1925>

Сочинитель бедный, это ты ли
Сочиняешь песни о луне?
Уж давно глаза мои остыли
На любви, на картах и вине.

Ах, луна влезает через раму,
Свет такой, хоть выколи глаза...
Ставил я на пиковую даму,
А сыграл бубнового туза.

<4/5 октября 1925>

Ах, метель такая, просто чёрт возьми!
Забивает крышу белыми гвоздями.
Только мне не страшно, и в моей судьбе
Непутёвым сердцем я прибит к тебе.

<4/5 октября 1925>

До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.

До свиданья, друг мой, без руки, без слова,
Не грусти и не печаль бровей, —
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

<1925>

Николай Макарович Олейников (1898-1937)*Таракан*

Таракан попался в стакан.
Достоевский

Таракан сидит в стакане.
Ножку рыжую сосёт.
Он попался. Он в капкане.
И теперь он казни ждёт.

Он печальными глазами
На диван бросает взгляд,
Где с ножами, с топорами
Вивисекторы сидят.

У стола лекпом хлопочет,
Инструменты протирая,
И под нос себе бормочет
Песню "Тройка удалая".

Трудно думать обезьяне,
Мыслей нет — она поёт.
Таракан сидит в стакане,
Ножку рыжую сосёт.

Таракан к стеклу прижался
И глядит, едва дыша...
Он бы смерти не боялся,
Если б знал, что есть душа.

Но наука доказала,
Что душа не существует,
Что печёнка, кости, сало —
Вот что душу образует.

Есть всего лишь сочлененья,
А потом соединенья.

Против выводов науки
Невозможно устоять.
Таракан, сжимая руки,
Приготовился страдать.

Вот палач к нему подходит,
И, ощупав ему грудь,
Он под рёбрами находит

То, что следует проткнуть.

И, проткнувши, на бок валит
Таракана, как свинью.
Громко ржёт и зубы скалит,
Уподобленный коню.

И тогда к нему толпою
Вивисекторы спешат.
Кто щипцами, кто рукою
Таракана потрошат.

Сто четыре инструмента
Рвут на части пациента.
От увечий и от ран
Помирает таракан.

Он внезапно холодеет,
Его веки не дрожат...
Тут опомнились злодеи
И попятились назад.

Всё в прошедшем — боль, невзгоды.
Нету больше ничего.
И подпочвенные воды
Вытекают из него.

Там, в щели большого шкапа,
Всеми кинутый, один,
Сын лепечет: "Папа, папа!"
Бедный сын!

Но отец его не слышит,
Потому что он не дышит.
И стоит над ним лохматый
Вивисектор удалой,

Безобразный, волосатый,
Со щипцами и пилой.

Ты, подлец, носящий брюки,
Знай, что мёртвый таракан —
Это мученик науки,
А не просто таракан.

Сторож грубою рукою
Из окна его швырнёт,
И во двор вниз головою
Наш голубчик упадёт.

На затоптанной дорожке
Возле самого крыльца
Будет он, задравши ножки,
Ждать печального конца.

Его косточки сухие
Будет дождик поливать
Его глазки голубые
Будет курица клевать.

<1934>

Александр Иванович Введенский (1904-41)*Разговор об отсутствии поэзии*

Двенадцать человек сидело в комнате. Двадцать человек сидело в комнате. Сорок человек сидело в комнате. Шёл в зале концерт. Певец пел:

Неужели о поэты
Ваши песни все пропеты.
И в гробах лежат певцы
Как спокойные скупцы.

Певец сделал паузу. Появился диван. Певец продолжал.

Дерево стоит без звука,
Без почёта ночь течёт.
Солнце тихо как наука
Рощи скучные печёт.

Певец сделал паузу. Диван исчез. Певец продолжал.

Тучи в небе ходят пышно.
Кони бегают умно.
А стихов нигде не слышно,
Всё бесшумно всё темно.

Певец сделал паузу. Появился диван. Певец продолжал.

Верно умерли поэты,
Музыканты и певцы,
И тела их верно где-то
Спят спокойно как скупцы.

Певец сделал паузу. Диван исчез. Певец продолжал.

О взгляните на природу

Тут все подошли к окнам и стали смотреть на ничтожный вид.

На беззвучные леса.

Все взглянули на леса, которые не издавали ни одного звука.

Опостылели народу
Ныне птичьи голоса.

Везде и всюду стоит народ и плюётся, услышав птичье пение.

Певец сделал паузу. Появился диван. Певец продолжал.

Осень. Лист лежит пунцов.
Меркнет кладбище певцов.
Тишина. Ночная мгла
На холмы уже легла.

Певец сделал паузу. Диван исчез. Певец продолжал.

Встали спящие поэты
И сказали, да ты прав.
Мы в гробах лежим отпеты,
Под покровом жёлтых трав.

Певец сделал паузу. Появился диван. Певец продолжал.

Музыка в земле играет,
Червяки стихи поют.
Реки рифмы повторяют,
Звери звуки песен пьют.

Певец сделал паузу. Диван исчез. Певец умер. Что он этим доказал.

<1938>

Где. Когда.

Где

Где он стоял опершись на статую. С лицом переполненным думами. Он стоял. Он сам обращался в статую. Он крови не имел. Зрите он вот что сказал:

Прощайте темные деревья,
прощайте черные леса,
небесных звезд круговращенье,
и птиц беспечных голоса.

Он должно быть вздумал куда-нибудь когда-нибудь уезжать.

Прощайте скалы полевые,
я вас часами наблюдал.
Прощайте бабочки живые,
я с вами вместе голодал.
Прощайте камни, прощайте тучи,
я вас любил и я вас мучил.

[Он] с тоской и с запоздалым раскаяньем начал рассматривать концы трав.

Прощайте славные концы.
Прощай цветок. Прощай вода.
Бегут почтовые гонцы,
бежит судьба, бежит беда.
Я в поле пленником ходил,
я обнимал в лесу тропу,
я рыбу по утрам будил,
дубов распугивал толпу,
дубов гробовый видел дом
и песню вел вокруг с трудом.

[Он во]ображает и вспоминает как он бывало или небывало выходил на реку.

Я приходил к тебе река.
Прощай река. Дрожит рука.
Ты вся блестела, вся текла,
и я стоял перед тобой,
в кафтан одетый из стекла,
и слушал твой речной прибой.
Как сладко было мне входить
в тебя, и снова выходить.
Как сладко было мне входить
в себя, и снова выходить,
где как чижи дубы шумели,
дубы безумные умели
дубы шуметь лишь еле-еле.

Но здесь он прикидывает в уме, что было бы если бы он увидел и море.

Море прощай. Прощай песок.
 О горный край как ты высок.
 Пусть волны бьют. Пусть брызжет пена,
 на камне я сижусь, все с д[удко]й,
 а море плещет постепе[нно].
 И всё на море далеко.
 И всё от моря далеко.
 Бежит забота скучной [ш]уткой
 Расстаться с морем нелегко.
 Море прощай. Прощай рай.
 О как ты высок горный край.

О последнем что есть в природе он тоже вспомнил. Он вспомнил о пустыне.

Прощайте и вы
 пустыни и львы.

И так попрощавшись со всеми он аккуратно сложил оружие и вынув из кармана висок выстрелил себе в голову. [И ту]т состоялась часть вторая — прощание всех с одним.

Деревья как крыльями взмахнули [с]воими руками. Они обдумали, что могли, и ответили:

Ты нас посещал. Зрите,
 он умер и все умрите.
 Он нас принимал за минуты,
 потертый, помятый, погнутый.
 Скитающийся без ума
 как ледяная зима.

Что же он сообщает теперь деревьям.— Ничего — он цепенеет.

Скалы или камни не сдвинулись с места. Они молчанием и умолчанием и отсутствием звука внушали и нам и вам и ему.

Спи. Прощай. Пришел конец.
 За тобой пришел гонец.
 Он пришел последний час.
 Господи помилуй нас.
 Господи помилуй нас.
 Господи помилуй нас.

Что же он возражает теперь камням.— Ничего — он леденеет.

Рыбы и дубы подарили ему виноградную кисть и небольшое количество последней радости.

Дубы сказали: — Мы растем.
 Рыбы сказали: — Мы плывем.

Дубы спросили: — Который час.
 Рыбы сказали: — Помилуй и нас.

Что же он скажет рыбам и дубам: — Он не сумеет сказать спасибо.

Река властно бежавшая по земле. Река властно текущая. Река властно несущая свои волны. Река как царь. Она прощалась так, что. Вот так. А он лежал как тетрадка на самом ее берегу.

Прощай тетрадь.
 Неприятно и нелегко умирать.
 Прощай мир. Прощай рай.
 Ты очень далек человеческий край.

Что сделает он реке? — Ничего — он каменеет.

И море ослабевшее от своих долгих бурь с сожалением созерцало смерть. Имело ли это море слабый вид орла.— Нет оно его не имело.

Взглянет ли он на море? — Нет он не может. Но — чу! вдруг затрубили где-то — не то дикари не то нет. Он взглянул на людей.

Когда

Когда он приотворил распухшие свои глаза, он глаза свои приоткрыл. Он припомнил всё как есть наизусть. Я забыл попрощаться с прочим, т. е. он забыл попрощаться с прочим. Тут он вспомнил, он припомнил весь миг своей смерти. Все эти шестерки, пятерки. Всю ту — суету. Всю рифму. Которая была ему верная подруга, как сказал до него Пушкин. Ах Пушкин, Пушкин, тот самый Пушкин, который жил до него. Тут тень всеобщего отвращения лежала на всем. Тут тень всеобщего лежала на всем. Тут тень лежала на всем. Он ничего не понял, но он воздержался. И дикари, а может и но дикари, с плачем похожим на шелест дубов, на жужжанье пчел, на плеск волн, на молчанье камней и на вид пустыни, держа тарелки над головами, вышли и неторопливо спустились с вершин на немногочисленную землю. Ах Пушкин. Пушкин.

Всё

<1941>

Даниил Иванович Хармс (Ювачёв; 1905-42)*Молитва перед сном*

Господи, среди бела дня
накатила на меня лень.
Разреши мне лечь и заснуть Господи,
и пока я сплю накачай меня Господи
Силою Твоей.
Многое знать хочу,
но не книги и не люди скажут мне это.
Только Ты просвети меня Господи
путем стихов моих.
Разбуди меня сильного к битве со смыслами,
быстрого к управлению слов
и прилежного к восхвалению имени Бога
во веки веков.

<28 марта 1931 года в 7 часов вечера>

Постоянство веселья и грязи

Вода в реке журчит, прохладна,
И тень от гор ложится в поле,
и гаснет в небе свет. И птицы
уже летают в сновиденьях.
А дворник с черными усами
стоит всю ночь под воротами,
и чешет грязными руками
под грязной шапкой свой затылок.
И в окнах слышен крик веселый
и топот ног, и звон бутылок.

Проходит день, потом неделя,
потом года проходят мимо,
и люди стройными рядами
в своих могилах исчезают.
А дворник с черными усами
стоит года под воротами,
и чешет грязными руками
под грязной шапкой свой затылок.
И в окнах слышен крик веселый
и топот ног, и звон бутылок.

Луна и солнце побледнели,
созвездья форму изменили.
Движенье сделалось тягучим,
и время стало, как песок.
А дворник с черными усами
стоит опять под воротами
и чешет грязными руками
под грязной шапкой свой затылок.
И в окнах слышен крик веселый
и топот ног, и звон бутылок.

<14 октября 1933 года>

Сказка

Жил-был один человек, звали его Семенов.
Пошел однажды Семенов гулять и потерял носовой платок.
Семенов начал искать носовой платок и потерял шапку.
Начал искать шапку и потерял куртку. Начал куртку искать и потерял сапоги.
— Ну, — сказал Семенов, — этак все растеряешь. Пойду лучше домой.
Пошел Семенов домой и заблудился.
— Нет, — сказал Семенов, — лучше я сяду и посижу.
Сел Семенов на камушек и заснул.

<1933>

Голубая тетрадь № 10

Жил один рыжий человек, у которого не было глаз и ушей. У него не было и волос, так что рыжим его называли условно.

Говорить он не мог, так как у него не было рта. Носа тоже у него не было.

У него не было даже рук и ног. И живота у него не было, и спины у него не было, и хребта у него не было, и никаких внутренностей у него не было. Ничего не было! Так что не понятно, о ком идет речь.

Уж лучше мы о нем не будем больше говорить.

<1937>

Вываливающиеся старухи

Одна старуха от чрезмерного любопытства вывалилась из окна, упала и разбилась.

Из окна высунулась другая старуха и стала смотреть вниз на разбившуюся, но от чрезмерного любопытства тоже вывалилась из окна, упала и разбилась.

Потом из окна вывалилась третья старуха, потом четвертая, потом пятая.

Когда вывалилась шестая старуха, мне надоело смотреть на них, и я пошел на Мальцевский рынок, где, говорят, одному слепому подарили вязаную шаль.

<1937>

Вот грянул дождь,
Остановилось время.
Часы беспомощно стучат.
Расти, трава, тебе не надо время.
Дух Божий, говори, тебе не надо слов.

<12 августа 1937 года>

Так начинается голод:
с утра просыпаешься бодрым,
потом начинается слабость,
потом начинается скука,
потом наступает потеря
быстрого разума силы,
потом наступает спокойствие.
А потом начинается ужас.

<1937>

Из дома вышел человек
С дубинкой и мешком
И в дальний путь,
И в дальний путь
Отправился пешком.

Он шел все прямо и вперед
И все вперед глядел.
Не спал, не пил,
Не пил, не спал,
Не спал, не пил, не ел.

И вот однажды на заре
Вошел он в темный лес.
И с той поры,
И с той поры,
И с той поры исчез.

Но если как-нибудь его
Случится встретить вам,
Тогда скорей,
Тогда скорей,
Скорей скажите нам.

<1937>